УДК. 94(470.55):62

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПОСЛЕДСТВИЯХ СОЗДАНИЯ УРАЛО–КУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА

Панькин Игорь Дмитриевич,
Уральский государственный университет физической культуры, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: igor0303@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена комплексному анализу степени изученности данной темы в историографии. Автором выделены главные проблемы, которые исследуют историки. Показаны основные общие составляющие и различия в оценке итогов строительства Урало-Кузнецкого комбината советскими и российскими историками.

Ключевые понятия:
Урало-Кузнецкий проект, Урало-Кузнецкий комбинат, Урало-Кузбасс, социальный облик, советское общество.

В научной литературе признается, что главным результатом реализации государственной промышленной политики на Урале в период 1917–1941 гг. было создание второй угольно-металлургической базы на Востоке страны. До сих пор историки и экономисты обсуждают обстоятельства создания Урало-Кузнецкого комбината (УКК) – крупнейшего советского мегапроекта, реализованного в восточных регионах СССР в годы предвоенных пятилеток. Советские и современные ученые обращают внимание на последствия создания УКК для уралосибирского региона и для страны в целом. Исследование литературы, специально посвященной этому вопросу, показывает, что каждое поколение историков выдвигает на первый план свои доводы.

Для *советской историографии* была характерна однозначно положительная оценка итогов создания УКК. Подчеркивая значимость создания новой индустриальной базы страны, советские исследователи на первое место ставили политический аспект реализации этого крупного хозяйственного проекта. В частности подчеркивалась революционизация всей экономики страны, вовлечение в народно-хозяйственное развитие мало затронутых индустриализацией районов.

Уральские историки советского периода уделяли вопросу о *политическом значении* создания УКК огромное место. По словам П. Г. Матушкина, «успехи строительства Урало-Кузбасса …во многом определили процесс создания и развития материально-технической базы социализма» [16, с. 359]. В.Н. Зуйков писал: «Создание новой индустриальной базы дает убедительный пример неоспоримых преимуществ социалистического строя. <…> Только в условиях планового социалистического хозяйства возможно строительство такого гигантского индустриального комбината, охватившего сразу все отрасли тяжелой индустрии на территории, равной Западной Европе [10, с. 52].

Отмечалось, что созданием УКК изменялись прежние пропорции между экономическими районами страны, были осуществлены серьезные изменения в территориальном размещении промышленности, приближение ее к источникам сырья и топлива, к районам потребления продукции. По словам В.Н. Зуйкова, «вторая угольно-металлургическая база создавалась на комплексном использовании уральской руды и кузнецкого каменного угля. На основе производственного и

энергетического комбинирования в Урало-Кузнецкий комбинат вовлекались и другие восточные районы, богатые углем и железом: Западная Сибирь, Северо-Восточный Казахстан и Башкирия. Таким образом, Урало-Кузнецкий комбинат путем широких многоотраслевых производственных связей вовлекал в хозяйственную систему огромную территорию, составляющую около трети СССР. Ликвидировалась сложившаяся диспропорция в размещении промышленности, и впервые советский народ приступил к коренной перестройке экономической географии СССР» [10, с. 51].

Исследователи доказывают, что в процессе разработки и реализации УК программы была создана специфическая модель комплексного производственного развития огромного региона. А.Г. Аганбегян и З.М. Ибрагимова писали, что «при проектировании основных объектов УКК практически использовались такие идеи построения программы, которые спустя десятилетия стали основополагающими в методологии системного подхода». Они указывали, что комбинат представал перед авторами технико-экономических обоснований как огромная по масштабам и сложная по внутренней структуре и внешним связям промышленная система [1, с. 104].

Советские исследователи обращали внимание на *экономический аспект* реализации крупного хозяйственного проекта. П.Г. Матушкин писал: «Создание и развитие великого промышленного комплекса взаимно связанных предприятий Урало-Кузбасса в годы предвоенных пятилеток имело важное значение в исторических судьбах первого социалистического государства … Это была промышленно-экономическая база Советского Союза, с которой он вступил в Великую Отечественную войну». По подсчетам историка, в восточных районах страны тогда добывалось 36 % угля, выплавлялось около 28,5 % чугуна и 32 % стали, вырабатывалось 22,1 % электроэнергии от общего производства в СССР [16, с. 360, 375].

Особое значение создания УКК советские исследователи видели в развитии черной металлургии на востоке страны. По словам П.Г. Матушкина, «Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты стали флагманами черной металлургии. На домнах Магнитогорска и Кузнецка за годы пятилеток были достигнуты более высокие технические показатели по сравнению со средними показателями заводов черной металлургии СССР. <…> К концу второй пятилетки Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты производили самый дешевый металл» [16, с. 360]. А. С. Осинцев подчеркивал, что перевод уральской металлургии на минеральное топливо (а в 1940 г. на Урале на минеральном топливе выплавлялось 86,8 % чугуна) имел огромное историческое значение. По его словам, ускоренная реконструкция топливно-энергетического баланса уральской металлургии вывела ее на передовые научно-технические рубежи мировой металлургии [17, с. 31].

Указывая на значение создания УКК для развития уральского машиностроения, П.Г. Матушкин отмечал: «Новый шаг вперед сделала за пятилетие машиностроительная промышленность Урало-Кузбасса. Удельный вес Урала в выпуске машин поднялся с 4,5 % в 1932 г. до 8,5 % в 1937 г.» [16, с. 361].

Советские историки рассматривали влияние создания второй угольно-металлургической базы на изменение социального состава населения в восточных районах страны и изменение *социального облика* основных классов *советского общества*. Спецификой советской литературы в этом вопросе была, во-первых, ее направленность на доказательство тезиса о том, что с приближением к построению социалистического общества происходило усиление классовой борьбы, проявлявшееся во вредительстве на производстве. По словам А.В. Бакунина, «враждебные элементы, проникнув на предприятия, <…> нередко давали о себе знать, пытаясь навредить советскому народу, подорвать экономику государства» [3, с. 385]. Во-вторых, советская историческая литература была направлена на критику враждебной буржуазной историографии. В.Н. Зуйков писал: «Советская власть, уничтожившая паразитические классы, по принципиальным соображениям не могла использовать принудительный труд. Легенда о «принудительном труде» в СССР <…> не сходит со страниц антикоммунистической литературы» [10, с. 265]. В-третьих, советские историки пытались доказать, что в результате строительства социализма уральские рабочие изменили свой прежний социальный облик, приобрели новые качества, превратившись в социалистический рабочий класс [11, с. 169–172].

В советской исторической литературе подчёркивалось значение УКК в *укреплении обороноспособности страны*. По словам П.Г. Матушкина, «Перемещение промышленности на Восток <…> во многом

предопределило обреченность замыслов гитлеровских стратегов сокрушить Советский Союз молниеносным ударом» [16, с. 375].

Современные исследователи в целом придерживаются положительной оценки реализации идеи УКК. При этом они обращают внимание на позитивные сдвиги в размещении промышленности, которые произошли в результате создания УКК, и признают, что в советское время были реализованы идеи, о необходимости которых говорили дореволюционные ученые: идея «маятника», идея соединения уральской металлургии с Сибирским угольным бассейном и др.

Д.В. Гаврилов пишет, что «в результате осуществления первых пятилетних планов произошел значительный сдвиг на восток – на Урал и в Сибирь, изменился удельный вес основных металлургических районов в общесоюзном производстве черных металлов» [8, с. 32]. По подсчетам В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова, если в 1927/28 г. удельный вес восточных районов СССР в добыче каменного угля составлял 19,6 %, а в производстве чугуна – 21,4 %, стали – 23 %, проката – 25,4 %, то в 1940 г. он возрос в добыче каменного угля до 35,9 %, а в производстве чугуна – до 28,5 %, стали – до 32,1 %, проката – до 32,1 % [2, с. 578]. Д.В. Гаврилов отмечает, что в 1940 г. восточные районы дали более 1/3 каменного угля, более 1/4 чугуна, 1/3 стали и проката, а также более 1/6 кокса и 1/4 продукции основной химии, произведенной в СССР [8, с. 32].

М.А. Фельдман подчеркивает: «Составной частью индустриализации в 1920–1930-е гг. стало ускоренное развитие промышленности восточных районов». При этом автор отмечает заметное увеличение доли Урала в общесоюзном промышленном производстве – с 5 % до 6,8 %. Основываясь на рассекреченных документах ЦСУ, он приводит данные о количестве предприятий и выпуске промышленной продукции в СССР, РСФСР и на Урале в 1940 г. Стоимость произведенной продукции в СССР в ценах 1926/27 гг. оценивалась в 138,7 млрд руб. В РСФСР на 692 511 предприятиях было произведено продукции на 100,2 млрд руб., что составило 72,7 % от общесоюзного уровня. Автор привел данные по 4 областям Урала и 2 автономным республикам края. По его сведениям получалось, что в Молотовской (Пермской) области в 1940 г. 17 568 предприятий произвели продукции на 2,196 млрд руб., что составило 1,59 % от общесоюзного уровня, в Свердловской области, соответственно, 17 696 предприятий – на 2,929 млрд руб. (2,11 %), в Челябинской области 18 303 предприятия – на 2,497 млрд руб. (1,8 %), в Чкаловской (Оренбургской) области 9 465 предприятий – на 427 млн руб. (0,31 %), в Башкирской АССР на 19 248 предприятиях – на 653 млн руб. (0,47 %), в Удмуртской АССР на 14 499 предприятиях – на 756 млн руб. (0,55 %) [24, с. 272, 274, 276].

М.А. Фельдман сделал несколько выводов о региональном расположении промышленности в СССР к началу 1940-х гг. Указав на неравномерность распространения индустрии по территории страны, он отметил, во-первых, то, что «старые» промышленные районы сохранили свое ведущее место в индустрии СССР, во-вторых, что произошел сдвиг промышленности на восток в 1937–1940 гг. – с 6,2 до 6,8 % общесоюзного промышленного производства [23, с. 274].

Подчеркивая значимость создания УКК, современные исследователи выделяют политический, экономический, социальный и оборонный аспекты реализации крупного хозяйственного проекта.

Говоря об *экономическом значении* УКК, исследователи подтверждают это созданием второй угольно-металлургической базы на Востоке страны, фундаментом которой стали крупнейшие металлургические заводы в Магнитогорске и Кузнецке (ныне Новокузнецк), причем первый из них работал на кузнецком угле, а второй – на уральской руде. По словам Г.Е. Корнилова, «в результате был создан новый индустриальный комплекс, располагавший собственной топливной и металлургической базой, центрами тяжелого машиностроения, химии, электроэнергетики, что привело к масштабным структурным сдвигам в экономике страны, заметно повысившим ее устойчивость» [13, с. 27]. А.В. Бельков и К.А. Заболотская пишут, что в 1940 г., накануне Великой Отечественной войны, производство продукции черной металлургии по сравнению с 1928 г. выросло в 200 раз, в т. ч. производство чугуна – в 274, стали – в 296, проката – в 251 раз [6, с. 243–244]. По данным С.С. Букина и В. А. Ламина, за годы создания УКК только на Урале промышленное производство увеличилось по сравнению с 1913 г. в 10 раз. Удельный вес продукции тяжелой промышленности в общем объеме производства уральского региона составил в 1940 г. 84,7 % [7, с. 9–10].

Современные исследователи признают, что в процессе разработки и реализации УК программы была создана специфическая модель *комплексного производственного развития огромного по своим масштабам региона.* С.С. Букин и В.А. Ламин пишут: «В процессе разработки УК программы была создана специфическая модернизационная модель комплексного производственного развития, которая использовалась <…> на протяжении всего советского периода. Главным механизмом действия модели стало централизованное государственное управление, основывавшееся на всеобщем планировании и государственной собственности на средства производства и ресурсы. Менялась во времени только степень директивного администрирования, жесткости управленческих подходов, а также материально-технического и научного обеспечения; неизменной же оставалась определяющая и мобилизующая роль государства» [7, с. 6].

По словам уральских авторов, «фундаментом УКК являлся замысел сочетания уральских железорудных месторождений с кузнецкими и карагандинскими запасами коксующегося угля. Его задачей являлась необходимость наиболее эффективно сочетать развитие ряда решающих отраслей, расположенных на территории Урала, Башкирии, Западной Сибири, Северного Казахстана и Орско-Халиловского района Средней Волги. Общее перспективное планирование ставило целью связать между собой несколько «гигантских комбинатов-комплексов», включающих в себя различные отрасли. УКК задумывался как база снабжения страны качественной сталью, чугуном, цветными металлами, продукцией металлоемкого машиностроения. При этом Уральский регион должен был играть роль ведущего звена УКК» [22, с. 211].

Исследователи обращают внимание на *социальный аспект создания* УКК. При этом они указывают на рост городского населения Урала и Западной Сибири и возрастание удельного веса рабочего класса в общем составе населения этих регионов страны. А.В. Бельков и К.А. Заболотская пишут, что население Кузбасса с 1926 по 1939 гг. выросло с 404,7 до 1654 тыс. чел., удельный вес горожан поднялся с 16,5 до 55 % [6, с. 121]. А.Э. Бедель пишет: «Индустриализация восточных районов стала локомотивом урбанизации. Число городов с населением свыше 50 тыс. чел. на Урале и в Западной Сибири увеличилось с 11 в 1936 г. до 26 в 1939 г. Удельный вес городского населения вырос с 14,8 до 32,8 %, достигнув в Челябинской области 42,2 %, в Новосибирской – 41,1 % и в Свердловской – 60 % ко всему населению» [5, с. 271–272].

Современные ученые отмечают: «Положительное решение Урало-Кузнецкой проблемы оправдало себя и с точки зрения укрепления безопасности и *повышения обороноспособности страны*» [6, 243–244].

А.И. Тимошенко пишет, что «предприятия УКК стали надежным военно-стратегическим резервом государства. А создание второй угольно-металлургической базы, при всех социально-экономических издержках, сыграло огромную роль <…> в достижении победы в годы Великой Отечественной войны» [21, с. 173]. По словам С.С. Букина и В.А. Ламина, «в годы Великой Отечественной войны предприятия, созданные в рамках программы «Урало-Кузбасс», стали основным арсеналом СССР, внесшим весомый вклад в Победу над фашистской Германией» [7, с. 10].

В то же время современные исследователи указывают и на *проблемы*, которые выявились в ходе реализации УКК.

Так, у В.Э. Лебедева читаем: «Функция «опорного региона» в 1920–1950-е гг. определяла военную специализацию промышленности Урала и гипертрофированное развитие ее базовых отраслей – добывающей, металлургии и тяжелого машиностроения. Такая специализация обусловила формирование региона как одного из важнейших промышленных и научных центров страны. Но комплексного развития отраслей региональной экономики и сферы науки и научного обслуживания достигнуто не было» [15, с. 222].

Историки отмечает гигантское отставание производства отраслей группы «Б» в восточных районах страны. По словам А.Э. Беделя, здесь медленно развивались отрасли легкой, текстильной и пищевой промышленности. Объем производства на душу населения в районах Урала по текстилю и обуви отставал от общесоюзного уровня в 5–8 раз. По пищевым продуктам душевое потребление в стоимостном выражении за 1938 г. составило 64 % от общесоюзного уровня. Несмотря на высокий удельный вес восточных районов в капитальном строительстве, производство цемента было на 50 % ниже союзного уровня; по извести – на 66 %, по кирпичу – на 80 % [5, с. 272].

Исследователи указывают на диспропорции, которые имелись здесь в развитии

различных отраслей тяжелой индустрии. Л.В. Шубарина отмечает, что «к началу Великой Отечественной войны Уральский регион продолжал оставаться преимущественно крупнейшей металлургической базой СССР с недостаточно развитыми металлообрабатывающей промышленностью и машиностроением» [25, с. 45]. А.Э. Бедель пишет: «На Урале и в Западной Сибири недостаточно были развиты машиностроение и металлообработка. В районы завозилось большое количество станков (Урал в 1938 г. получил свыше 1000 штук), насосов, компрессоров и других машин» [5, с. 272]. М.А. Фельдман отмечает, что отталкиваясь от показателей доли восточных районов во всесоюзном промышленном производстве к 1941 г., можно сделать вывод, что «задания первого пятилетнего плана о сдвиге промышленности на восток [18, с. 38–40, 554–555, 562–563] были выполнены лишь частично» [23, с. 276].

В.А. Кокшаров и Е.В. Тиханова пишут: «Форсированное индустриальное развитие восточных районов, с одной стороны, коренным образом перекроило старые карты Урала, Казахстана, Сибири, сформировав здесь новые городские центры и наполнив ранее неизвестные географические названия иным социально-экономическим содержанием. С другой стороны, усиление административного диктата в осуществлении территориальной политики привело к тому, что Урало-Кузнецкий проект не менял сложившуюся систему районирования и распоряжения ресурсами» [12, с. 74].

Ряд современных исследователей оценивает итоги создания УКК с точки зрения решения проблем, с которыми сталкивались простые люди на строительстве гигантов УКК. А.И. Тимошенко пишет, что «социальные проблемы в рамках создания УКК и строительства его первых предприятий в 1930-е гг. решались крайне ограниченно. Обеспечивались преимущественно производственные потребности. <…>. Все, что касалось условий жизни и труда работников предприятий, решалось во вторую очередь» [20, с. 41]. Об этом много писали очевидцы событий, посещавшие новостройки УКК, в том числе американский рабочий Дж. Скотт [см.: 19].

А. В. Бакунин пишет, что «строительство УКК осуществлялось в условиях тоталитарной социально-экономической системы с ее директивно-приказными методами руководства, что негативно сказывалось на народном хозяйстве и положении трудящихся. Принятые сверхвысокие темпы строительства УКК, его предприятий тяжелой индустрии привели <…> к снижению темпов развития других отраслей, особенно легкой промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры. Недостаток средств на строительство заводов-гигантов покрывался за счет снижения финансирования социальной сферы, что вело … к относительному обнищанию народных масс» [4, с. 548].

К.И. Зубков относит УК проект к самым противоречивым проектам в советской истории. Автор признает, что, с одной стороны, он сыграл «выдающуюся роль в изменении географии индустриального потенциала СССР и укреплении его геостратегического могущества». С другой стороны, УК проект «внес в советскую практику решения экономических проблем совершенно новое и в определенные моменты более важное, чем собственно экономика, измерение – геополитическое». По мнению автора, «вне его учета как императивной стратегии выживания не может быть адекватно осмысленно политико-экономическое своеобразие программы «строительства социализма в одной стране»» [9, с. 26–27].

В историографической литературе сложилось довольно устойчивое мнение о том, что проблемами УКК непосредственно зарубежные исследователи не занимались. Однако Ш. Фитцпатрик, Р. Пайпс, Х. Куромия, С. Коткин и др. ставили вопросы социальной эволюции в российском обществе в результате индустриализации, в том числе в восточных районах страны. Так, американский исследователь С. Коткин рассматривал строительство Магнитогорска с точки зрения становления идеальной советской социалистической цивилизации. Он показывает, почему не удался этот эксперимент, и в то же время приходит к выводу, что он имел много общего с другими индустриальными странами, также развивавшими формы социального регулирования и элементы государства всеобщего благоденствия» [14, с. 81].

Сравнивая советскую и современную литературу о последствиях создания в восточных районах страны второй угольно-металлургической базы, приходишь к выводу, что все поколения отечественных исследователей едины в трактовке экономических, технических и военных аспектов. Серьезно расходятся историки в трактовке политических и социокультурных последствий. Это объясняется тем, что на эти последствия они смотрят через призму различных методологических конструкций.

1. Аганбегян, А.Г. Сибирь не понаслышке / А.Г. Аганбегян, З.М. Ибрагимова. М. : Молодая гвардия, 1981. 252 с.

2. Алексеев, В.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней / В.В. Алексеев, Д.В. Гаврилов. М. : Наука, 2008. 886 с.

3. Бакунин, А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933-1937) / А.В. Бакунин. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. 443 с.

4. Бакунин, А.В. Урало-Кузбасс / А. В. Бакунин // Урал. ист. энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 548.

5. Бедель, А.Э. Урало-Кузбасс в проектировках генерального хозяйственного плана накануне Великой Отечественной войны / А.Э. Бедель // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 269–283.

6. Бельков, А.В. Изменение экономики и демографической ситуации в Кузбассе в процессе реализации Урало-Кузнецкого проекта / А.В. Бельков, К.А. Заболотская // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 237–245.

7. Букин, С.С. Программа создания Урало-Кузнецкого комбината в государственной стратегии России / С.С. Букин, В.А. Ламин // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 5–10.

8. Гаврилов, Д.В. Три локомотива Урало-Кузбасса / Д.В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 28–33.

9. Зубков, К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузнецкого проекта / К.И. Зубков // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 22–27.

10. Зуйков, В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932) / В.Н. Зуйков. М. : Мысль,1971. 301 с.

11. Камынин, В.Д. История рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. в отечественной историографии / В.Д. Камынин, В.Д. Грунь, В.Л. Берсенев. М.-Екатеринбург : Б\и, 2008. 378 с.

12. Кокшаров, В.А. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию / В.А. Кокшаров, Е.В. Тиханова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 259 с.

13. Корнилов, Г.Е. Исследования экономической истории Урала / Г.Е. Корнилов // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества. Екатеринбург, 2012. С. 22–39.

14. Коткин, С. Сталинизм как цивилизация / С. Коткин // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1 (30). – С. 77–81.

15. Лебедев, В.Э. Регионализация НТП в контексте российских модернизаций / В.Э. Лебедев // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 221–224.

16. Матушкин, П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР / П.Г. Матушкин. Челябинск : Южно-Уральское книжное изд-во, 1966. 424 с.

17. Осинцев, А.С. Черная металлургия Урала / А.С. Осинцев. Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1960. 224 с.

18. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Районный разрез. М. : Плановое хозяйство, 1930. Т. 3. 340 с.

19. Скотт, Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали / Дж. Скотт. М. : Изд-во Моск.ун-та; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 305 с.

20. Тимошенко, А.И. Решение социальных проблем в программе «Урало-Кузбасс»: проекты и реализация / А.И. Тимошенко // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 34–41.

21. Тимошенко, А.И. Урало-Кузнецкая проблема в дискуссиях и решениях советского правительства в 1920-е гг. / А. И. Тимошенко // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 149–180.

22. Урал в панораме XX века. Екатеринбург : Изд-во «СВ-96», 2000. 496 с.

23. Фельдман, М.А. Промышленность и рабочий класс СССР перед началом Великой Отечественной войны / М.А. Фельдман // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : Мат. междун. науч. конф., посв. 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 272–276.

24. Фельдман, М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914-1941 гг. (численность, состав, социальный облик) / М. А. Фельдман. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.

25. Шубарина, Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945-1965 гг. / Л.В. Шубарина. Челябинск : ИЦ «Уральская Академия», 2011. 282 с.

1. Aganbegjan, A.G. Sibir' ne ponaslyshke / A.G. Aganbegjan, Z.M. Ibragimova. M. : Molodaja gvardija, 1981. 252 s. (Russian).

2. Alekseev, V.V. Metallurgija Urala s drevnejshih vremen do nashih dnej / V.V. Alekseev, D.V. Gavrilov. M. : Nauka, 2008. 886 s. (Russian).

3. Bakunin, A.V. Bor'ba bol'shevikov za industrializaciju Urala vo vtoroj pjatiletke (1933-1937) / A.V. Bakunin. Sverdlovsk : Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1968. 443 s. (Russian).

4. Bakunin, A.V. Uralo-Kuzbass / A. V. Bakunin // Ural. ist. jenciklopedija. 2-e izd. Ekaterinburg, 2000. S. 548. (Russian).

5. Bedel', A.Je. Uralo-Kuzbass v proektirovkah general'nogo hozjajstvennogo plana nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny / A.Je. Bedel' // Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii. Ekaterinburg, 2010. S. 269–283 (Russian).

6. Bel'kov, A.V. Izmenenie jekonomiki i demograficheskoj situacii v Kuzbasse v processe realizacii Uralo-Kuzneckogo proekta / A.V. Bel'kov, K.A. Zabolotskaja // Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii. Ekaterinburg, 2010. S. 237–245 (Russian).

7. Bukin, S.S. Programma sozdanija Uralo-Kuzneckogo kombinata v gosudarstvennoj strategii Rossii / S.S. Bukin, V.A. Lamin // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 1 (30). S. 5–10 (Russian).

8. Gavrilov, D.V. Tri lokomotiva Uralo-Kuzbassa / D.V. Gavrilov // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 1 (30). S. 28–33 (Russian).

9. Zubkov, K.I. Geopoliticheskaja motivacija razrabotki i realizacii Uralo-Kuzneckogo proekta / K.I.

Zubkov // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 1 (30). S. 22–27 (Russian).

10. Zujkov, V.N. Sozdanie tjazheloj industrii na Urale (1926-1932) / V.N. Zujkov. M. : Mysl',1971. 301 s. (Russian).

11. Kamynin, V.D. Istorija rabochih Urala v 20–30-e gg. HH v. v otechestvennoj istoriografii / V.D. Kamynin, V.D. Grun', V.L. Bersenev. M.-Ekaterinburg : B\i, 2008. 378 s. (Russian).

12. Koksharov, V.A. Jugo-vostochnaja granica Rossii: istoricheskij put' k soglasiju / V.A. Koksharov, E.V. Tihanova. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2012. 259 s. (Russian).

13. Kornilov, G.E. Issledovanija jekonomicheskoj istorii Urala / G.E. Kornilov // Istoricheskaja nauka i istoricheskoe obrazovanie kak faktory gumanizacii obshhestva. Ekaterinburg, 2012. S. 22–39. (Russian)

14. Kotkin, S. Stalinizm kak civilizacija / S. Kotkin// Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2011. – № 1 (30). – S. 77-81 (Russian).

15.Lebedev, V.Je. Regionalizacija NTP v kontekste rossijskih modernizacij / V.Je. Lebedev // Promyshlennaja politika v strategii rossijskih modernizacij HVIII-HHI vv. Ekaterinburg, 2006. S. 221–224 (Russian).

16. Matushkin, P.G. Uralo-Kuzbass. Bor'ba Kommunisticheskoj partii za sozdanie vtoroj ugol'no-metallurgicheskoj bazy SSSR / P.G. Matushkin. Cheljabinsk : Juzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo,1966. 424 s. (Russian).

17. Osincev, A.S. Chernaja metallurgija Urala / A.S. Osincev. Sverdlovsk : Sverdlovskoe kn. izd-vo, 1960. 224 s. (Russian).

18. Pjatiletnij plan narodnohozjajstvennogo stroitel'stva SSSR. Rajonnyj razrez. M. : Planovoe hozjajstvo, 1930. T. 3. 340 s. (Russian).

19. Skott, Dzh. Za Uralom. Amerikanskij rabochij v russkom gorode stali / Dzh. Skott. M. : Izd-vo Mosk. un-ta; Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1991. 305 s. (Russian).

20. Timoshenko, A.I. Reshenie social'nyh problem v programme «Uralo-Kuzbass»: proekty i realizacija / A.I. Timoshenko // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 1 (30). S. 34–41 (Russian).

21. Timoshenko, A.I. Uralo-Kuzneckaja problema v diskussijah i reshenijah sovetskogo pravitel'stva v 1920-e gg. / A. I. Timoshenko // Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii. Ekaterinburg, 2010. S. 149–180 (Russian).

22. Ural v panorame HH veka. Ekaterinburg : Izd-vo «SV-96», 2000. 496 s. (Russian).

23. Fel'dman, M.A. Promyshlennost' i rabochij klass SSSR pered nachalom Velikoj Otechestvennoj vojny / M.A. Fel'dman // Promyshlennaja politika v strategii rossijskih modernizacij HVIII-HHI vv. : Mat. mezhdun. nauch. konf., posv. 350-letiju N.D. Antuf'eva-Demidova. Ekaterinburg, 2006. S. 272–276 (Russian).

24. Fel'dman, M.A. Rabochie krupnoj promyshlennosti Urala v 1914–1941 gg. (chislennost', sostav, social'nyj oblik) / M. A. Fel'dman. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 430 s. (Russian).

25. Shubarina, L.V. Oboronno-promyshlennyj kompleks na Urale: regional'nyj opyt razvitija. 1945–1965 gg. / L.V. Shubarina. Cheljabinsk : IC «Ural'skaja Akademija», 2011. 282 s. (Russian).

UDC. 94(470.55):62

NATIVE RESEARCHERS ABOUT THE CONSEQUENCES OF THE FOUNDATION OF THE URAL–KUZNETSK INDUSTRIAL COMPLEX

Panjkin Igor Dmitrievich,
Ural State University of Physical Culture, associate professor of the chair of social sciences and humanities, candidate of historical sciences, assistant professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: igor0303@mail.ru

Annotation
The article deals with the complex analysis of the level of study of this problem in historiography. The author points out the main problems studied by historians. The author shows common and different features when evaluating the results of the construction of the Ural-Kuznetsk industrial complex by Soviet and Russian historians.

Key concepts:
Ural-Kuznetsk industrial complex, Ural-Kuznetsk project, Ural-Kuzbass, social image, Soviet society.